

Vigdis Hjorth

LÆRERINNENS SANG

Вигдис Йорт

ПЕСНЯ УЧИТЕЛЯ

Москва
2020

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
И75

Vigdis Hjorth
Lærerinnens sang

Copyright © CAPPELEN DAMM AS 2018

Перевод с норвежского Анастасии Наумовой

Художественное оформление Ольги Медведковой

Йорт, Вигдис.

И75 Песня учителя / Вигдис Йорт ; [перевод с норвежского А. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с. — (Global Books. Книги без границ).

ISBN 978-5-04-112051-1

Лотта Бёк — женщина средних лет, которая абсолютно довольна своей жизнью. Она преподает в Академии искусств в Осло, ее лекции отличаются продуманностью и экспрессией.

Когда студент-выпускник режиссерского факультета Таге Баст просит Лотту принять участие в его художественном проекте, Лотта соглашается, хотя ее терзают сомнения (шутка ли, но Таге Баст ею как будто увлечен).

Съемки меняют мировосприятие Лотты. Она впервые видит себя со стороны. И это ей не слишком нравится.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© Наумова А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112051-1

В былые времена люди уходили в монастырь. Были ли эти люди глупыми или, возможно, ленивыми? Нет, если люди прибегали к таким средствам, чтобы выжить, значит, и проблемы у них были серьезные!

Людвиг Витгенштейн

I

*Ничего бы не случилось, если бы не случилось.
Но оно все-таки произошло, причем все сразу.*

Когда десятого апреля 2016 года Лотта Бёк вышла из своего старого дома на берегу речки Акерсэльва и направилась на работу, она и не подозревала, как сильно изменится ее жизнь всего за несколько недель. И все это произойдет по причинам, которые кто-то другой мог бы счесть рядом случайностей и совпадений.

Солнце висело высоко в апрельском небе, а Лотта Бёк не торопясь шла по Бломаннгата. На ней был комбинезон, хотя некоторые наверняка полагают, что подобная одежда для пятидесятилетней женщины — это чересчур самонадеянно. Однако Лотта Бёк держалась неплохо. Двигалась она легко, это важнее всего, а морщины на лбу — ерунда. Зато она не утратила способности быстро развернуться и побежать за автобусом. Впрочем, Лотте Бёк посчастливилось жить в центре, так что необходимость

ездить на автобусе у нее возникала крайне редко. Чаще она ходила пешком, например в Академию искусств, где работала. Она владела домом в центре города, обладала быстрой и легкой походкой и смелостью разгуливать в комбинезоне, похожем на тот, в котором Мерил Стрип в фильме «Мамма Миа!» приводит в порядок греческий пансионат, не зная, что мужчина всей ее жизни уже спешит к ней.

Мы идем за пятидесятилетней Лоттой Бёк, которая вышагивает в комбинезоне по Бломангата. В последние годы она предпочитает в одежде слегка мужской стиль. Вокруг столько женщин, стремящихся компенсировать себе утраченную молодость и призывающих для этого на помощь особую элегантность — костюмы в тон обуви, сумкам, шарфам и украшениям, однако все это дорого и требует времени, а главное — доставляет неудобства. Некоторые бросались в другую крайность и махнули на себя рукой, вроде как с облегчением; этим отличались в основном те, кто всю жизнь прожил с одним и тем же мужем. Их кредо становилась практичность: короткая стрижка, очки в прямоугольной оправе, ортопедическая обувь, ветровки, мешковато висящие на постепенно полнеющих фигурах.

Лотта Бёк выбрала другой путь: небрежность, но не без претензий. Она развелась уже давно, приятеля у нее не было, зато имелись взрослая разведенная дочь и двое внуков. С ее ближайшими родственниками, уже два года как переехавшими в Австралию, в Сидней, где дочь получила степень доктора в области ботаники, Лотта теперь виделась намного реже, чем хотелось бы, и их долгим, почти ежедневным беседам с дочерью о жизни пришел конец. Этих бесед Лотте, естественно, недоставало, но она твердо решила, что справится, да к тому же о ее собственной жизни уже все сказано, верно? Поэтому сейчас частота телефонных звонков и мейлов оставалась на усмотрение дочери, а та звонила или писала, обычно когда, поссорившись с бывшим мужем, так на него злилась, что не могла бороться с желанием написать ему злобный мейл. Тогда она звонила Лотте, а Лотта помогала ей приглушить отчаяние и поменять резкие формулировки на более дипломатичные и миролюбивые. Эта роль ей нравилась, язык она любила и после подобных разговоров чувствовала глубокое удовлетворение. Впрочем, она — мать, так что иначе и быть не может.

Были у нее и подружки, тем не менее виделась она с ними реже, чем прежде. Встречи с ними словно забирали у нее больше сил, чем

давали взамен. В чем причина — в подружках ли, в ней ли самой или жизненном этапе, на котором она сейчас находилась, — этого Лотта не знала. Ее жизнь стала менее насыщенной событиями, говорить с подружками не о чем, они давно уже в курсе, у кого из них какие политические и другие пристрастия, мнения никто из них не менял, так что новостей накапливалось мало, а болтать о будничной скукоте и внуках было ей не по вкусу.

Но сейчас весна, так что почему бы и не посидеть в кафе, когда наконец откроются летние террасы? Порой она ужинала в мужской компании или ходила со спутником в театр, а вот постель в последний раз делила с мужчиной очень давно. Иногда она была не прочь найти себе приятеля, спутника жизни, с которым могла бы разделить — да-да, это она прекрасно осознавала, — надвигающуюся старость, однако в список срочных дел это не входило. Знакомство, узнавание — работа непростая, и проделывать ее вновь Лотту не прельщало. Выслушивать о детстве, о былых отношениях, тех, что затянулись надолго — «надо было мне раньше разводиться», — и тех, что пустили корни — «она была моей великой любовью, и если бы не (нужное подчеркнуть), мы бы ни за что не расстались».

Особенно же ее отвращала перспектива познавать незнакомое тело, тело стареющее, на этот счет никаких надежд она не питала. Осилить такой труд по плечу только влюбленным, а она уже много лет не влюблялась, она вообще полагала, что утратила такую способность. Заводить любовника помоложе Лотта тоже не стремилась: рядом с ним она лишь острее будет переживать свое собственное старение. А сегодня она про старение не думает. Сегодня светит солнце, и Лотта шагает по Бломаннгата, направляясь в Академию искусств, которую так любит. Она хороший преподаватель, вдохновенный и живой, об этом она нередко слышит, а сейчас весна, щебечут птицы, Лотта Бёк только что зашла в кафе, купила латте с соевым молоком и теперь несет в руках стаканчик с кофе. На ней чудесные солнечные очки, купленные в «Ретро» в Кристиансанне.

Обстановка в мире оставляет желать лучшего, но на душе у Лотты легко, и она чувствует радость: она рада, что не моложе, чем есть, рада, что жизнь ее пришлась на достаточно простое время и живет она в спокойной и мирной стране. Это значит — одернула она себя, — что за последние двадцать лет ее страна успела поучаствовать в разных войнах, но все они проходили на чужой территории и ее соплемен-

ников особо не затронули. Когда живешь здесь, в Норвегии, то и не скажешь, что это государство участвует в каких-то войнах. Местные жители, может, и не знают, но Лотте, например, это хорошо известно, потому что она часто читает лекции о творчестве Бертольда Брехта, а когда изучаешь Брехта, невозможно не знать, что когда говорят о действиях в защиту прав человека, нередко на самом деле подразумевают войну. Когда правительства подписывают мирный договор, маленький человек пишет завещание. Тот, кто на протяжении многих лет рассказывал о творчестве Брехта, без прикрас видит саму суть международных конфликтов. И, тем не менее, на собственной шкуре Лотта войны не чувствовала. Да, именно так. Она не ощущала войну на собственной шкуре.

Лотта остановилась и прислушалась к себе. Нет, ничего. Много ли изменилось бы, прочувствуй она войну? Вероятнее всего, нет. Но если бы война коснулась многих, коснись она сотен тысяч норвежцев, они, возможно, вышли бы на улицы и потребовали прекратить войны, тотчас же, немедленно и с совершенно другим настроением, нежели то, с которым она сама или некоторые ее студенты протестовали против войн, когда писали статьи или выходили на Первомайскую демонстрацию. Если бы они ощуща-

ли войну на собственной шкуре. Если бы война причиняла боль отдельным норвежцам. Но дела обстояли иначе.

Лотта Бёк прошла мимо бомжа, вечно отиравшегося где-нибудь возле Академии искусств. Сейчас он стоял, уткнувшись в стену, а над приспущенными штанами белели ягодицы. В руке дрожала бутылка «Рингнеса». Возможно, он успел почувствовать войну на собственной шкуре. Лотту переполняла благодарность: она способна испытывать радость, война ее не тронула, как бы ей того порой ни хотелось. Она прошагала мимо румынской попрошайки, всегда по утрам сидевшей возле ворот Академии, бросила на ходу мелочь в бумажный стаканчик нищей и вошла в ворота. Лотта оставила позади стойку для велосипедов и кивала направо и налево — тем, кто двигался ей навстречу, кто взял в столовой кофе, но пить его отправился на улицу, потому что светило солнце и была весна. Первый весенний день. Весна чувствовалась во всем.

Лотта открыла дверь главного входа с улыбкой, ведь откуда ей было знать, что сегодняшней день положит конец тому существованию, которое она считала привычным. Лотта Бёк прошла к своему столу, благодарная за переполнявшую ее радость. Случалось подобное нечасто. В жизни ей, как и многим другим, по-

рой приходилось непросто, но как раз те, кому однажды пришлось непросто, способны ощущать благодарность, когда радость вдруг возвращается — а весной это обычное дело. У ее дочери все хорошо, у внуков тоже, у нее самой есть постоянная работа, которую она любит и умеет выполнять, разнообразные интересные должностные обязанности и никаких проблем с деньгами, так почему бы и не радоваться?

Сегодня она собиралась рассказать первокурсникам с факультета актерского мастерства о пьесе Бертольда Брехта «Добрый человек из Сычуани».

Вероятнее всего, за свою карьеру многим из них предстоит в ней сыграть. Сложность в том, чтобы заставить их понять реализм и его актуальность. Первокурсники с факультета актерского мастерства отличаются амбициозностью, и заинтересовать их общественными механизмами, их самих напрямую, на первый взгляд, не касающимися, очень нелегко. В этом и состояла ее цель — чтобы они оторвались от себя, осознав собственную вовлеченность в общественный порядок, а значит, и свою ответственность.

Подготовилась Лотта хорошо. Она взяла записи и уже собралась отправиться в аудиторию для семинаров в другом конце здания, когда к ней подошел какой-то юноша. Он представил-

ся, но его имя тут же вылетело у нее из головы. Кажется, прежде она его не встречала, однако тут около пятисот студентов, и она преподает в основном у тех, кто занимается театром. Юноша сказал, что учится на режиссерском факультете, изучает съемку, а сейчас работает над проектом, посвященным основным преподавателям Академии искусств. Он хотел бы снять, как они ведут занятия, но не только. Еще его интересуют их жизнь за стенами университета, потому что основная цель проекта — продемонстрировать взаимосвязь между жизнью и преподаванием. Именно взаимодействие этих сторон жизни преподавателя он и желает изучить. Не хочет ли Лотта Бёк принять участие? В нескольких словах описав проект, он оставил свои контакты, Лотта пообещала подумать и направилась в свою аудиторию.

Стараясь угодить студентам, преподаватели Академии искусств шли на многое. Некоторым, например, студенты почти круглосуточно писали эсэмэски. Поэтому преподавать здесь было увлекательно, но и сложно. Если тебе довелось стать научным руководителем у студента, работающего над каким-нибудь личным проектом — а таких было много, то ты рисковал поддаться чувствам, а научное руководство в такой ситуации осложняется излишними эмоциями.